

лии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. М., 2010 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1.

И. И. Шеянова.

EDN SXOWQP

ИНСЦЕНИРОВА́КА (от лат. *in* — в, на и *scena* — сцена), переработка повествовательного (эпич., лиро-эпич.) произв. для постановки на театр. сцене, телевиз. спектакля или съёмки кино. В отличие от постановки по мотивам произв., И. не допускает изменения его содержания или внесения дополнит. смысла. Её задача — сохранить сюжет, авт. замысел (см. *Замысел*), по возможности, стиль произв. и не допустить импровизации. Изменения обуславливаются лишь иной формой подачи материала — сценич. оформлением лит. текста. Авторами И. могут выступать как сами авторы эпич. произв., так и сценаристы. В практике работы театров (напр., МХТ им. А. П. Чехова) встречаются И., отражающие наиболее значимые сюжетные линии произв.: «Братья Карамазовы», «Бесы», «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевского, «Воскресение» Л. Н. Толстого и др. В репертуар нек-рых совр. театров входят И. не только классич. худож. произведений, но и беллетристики (пов. «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, пов. «Растратчики» В. П. Катаева, ром. «Барсуки» Л. М. Леонова, и др.). И. по произведениям мордов. писателей активно осуществлялись в 1970-х — нач. 1980-х гг., когда гл. реж. Гостелерадио МАССР был В. С. *Брыжинский*. Он поставил более 15 спектаклей по романам К. Г. *Абрамова* («Найман», «Ломантне теевсть малацекс» — «Люди стали близкими», «Качамонь пачк» — «Дым над землёй»), А. Я. *Дорогойченко* («Большая Каменка») и др. авторов. Ранее (1962)

реж. А. А. Шорин инсценировал ром. «Лавгинов» В. М. Коломасова. Пьеса была показана по центр. ТВ. Роли исполняли актёры Малого театра, одну из главных (Прокопыча) играл М. И. Жаров. Со 2-й пол. 1980-х гг. И. по произведениям мордов. писателей стали редким явлением.

В более широком смысле под И. понимается лит. обработка (в целях эмоц. воздействия и пропаганды) материала, имеющего обществ. значение (инсценированные суд, отчёт, газета и т. п.).

Лит.: ЛЭ. Т. 4 ; ЛЭТП ; ЛЯ.

А. М. Каторова.

EDN TJGNL

ИНТЕРПРЕТА́ЦИЯ (от лат. *interpretatio* — истолкование, объяснение), постижение смысла, истолкование лит. произведения в свете ист., группового и личного опыта читателя или лит.-веда, раскрытие глубинной сути худож. текста. Теоретико-лит. понятие «И.» в рус. лит.-ведении появилось в 1920-е гг., однако активно стало использоваться лишь в 1970-е гг. Первая статья об этом понятии (автор М. Н. Эпштейн) вышла в 1978 в КЛЭ. Проблема И., несмотря на обилие появившихся впоследствии работ, недостаточно разработана в лит.-ведч. науке в силу символич. природы иск-ва, обуславливающей «открытость» образа и недостижимость однозначной истинности толкования. Нередко термины «И.» и «анализ» используются как синонимы, особенно когда речь идёт о лит.-ведч. И. Граница между анализом и И. трактуется обычно как размежевание объективного и субъективного начал, что предопределяет восприятие анализа как необходимого условия научности И. лит.-худож. произведения. В работах большинства лит.-ведов отмечается, что чем

более научно значима И., тем труднее отличить её от анализа. Осн. формы И. выявлены Л. В. Чернец. По её мнению, своего рода И. возникает при худож. чтении, переводе лит. произведения на к.-л. нац. яз., передаче словесно-худож. образов языком др. иск-в, как синтетических (театра, кино), так и односоставных (музыки, живописи и др.). Однако в полной мере И. осуществляется в понятийных формах: «наиболее чётко то или иное восприятие произведения объективируется в *понятийных* в своей основе высказываниях» (Чернец Л. В. «Как слово наше отзовётся...». М., 1995, с. 19). В зависимости от того, кем и каким образом осуществляется И., Чернец выделяет читательскую, писательскую, критич. и лит-ведч. формы понятийной И.

Одна из наиболее острых проблем И. — адекватность толкования худож. произведения. Она возникает из факта существования различных И. и их множественности. Подходы к решению данной проблемы разные, однако при всех индивидуальных оттенках и особенностях можно выделить две точки зрения. Первая, утверждающая свободную взаимосвязь между И. и худож. произведением, нашла наиболее чёткое воплощение в теориях А. А. Потебни и его последователей («понимать — значит вкладывать свой смысл»). Представления о безгранично широком круге допустимых И. распространены и в совр. лит-ведении. Такой подход предполагает скептическое отношение к возможности адекватной И., фактически снимает вопрос о верных и неверных толкованиях, узаконивая любое прочтение, как бы далеко оно ни было от «оригинала». Вторая точка зрения восходит к теории А. П. Скафтымова о принципиальной возможности адекватно постичь худож. произведение, худож. смысл. Именно на эту задачу, по

мысли исследователя, и должно ориентироваться науч. лит-ведение — иначе о нём нельзя говорить как о науч., объективно достоверном знании. Такая система взглядов на И. логически приводит к мысли о единственно правильной И., к-рая тем или иным уровнем лит-ведения может быть и не достигнута, но воспринимается лит-ведч. наукой как идеал и как задача. Применительно к науч. И. ориентация на единственно верное постижение смысла представляется в принципе правильной, вместе с тем необходимо учитывать объективную многозначность худож. образа и субъективный характер его постижения и И. Идеи Скафтымова мн. лит-веды считают излишне догматическими. Например, стремясь снять крайности двух воззрений (Потебни и Скафтымова), В. Е. Хализев выдвигает идею «диапазона» научно корректных, объективно достоверных И. одного и того же худож. произв. Эта идея, с одной стороны, привлекательна, с др. — недостаточна. Привлекательность её в том, что она учитывает факт дискуссионности мн. лит. произв., обуславливающих множественность толкований, и индивидуально-личностный аспект в постижении худож. созданий; утверждает, очерчивая круг научно корректных И., недопустимость некорректных, явно субъективных, искажающих смысл. Недостаточность высказанной идеи заключается в невозможности однозначного установления «границ» диапазона. Лит-ведч. И., т. обр., предполагает высокий уровень восприятия худож. текста, выявление смысловой информации, скрытой в сложной структуре его внутр. организации, основанное на глубоком анализе.

Лит.: КЛЭ. Т. 9 ; *Потебня А. А.* О толковании художественного произведения // Вопросы теории и психологии творчества.

Харьков, 1916. Т. 7 ; **Чернец Л. В.** «Как слово наше отзовется...» : Судьбы лит. произведений. М., 1995 ; **Дуров А. А.** Методологические проблемы интерпретации эстетического субъекта художественной прозы // Когнитивная парадигма. Пятигорск, 2000 ; **Егорова Л. П.** Литературоведческая интерпретация как магистральный путь изучения художественного произведения // Филология на рубеже тысячелетий. Ростов/н Д., 2000 ; **Её же.** Интерпретация как феномен антропоцентрического литературоведения // Вест. Ставропол. гос. ун-та. 2002. № 29 ; **Хализев В. Е.** Теория литературы : учебник для вузов. М., 2002 ; **Манохин Д. К.** Философско-культурологическая интерпретация литературоведческого дискурса: методологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006 ; **Его же.** Специфика литературоведческой интерпретации художественного текста // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. № 8. Вып. 16 ; **Скафтымов А. П.** К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Введение в литературоведение. М., 2006 ; **Есин А. Б.** Принципы и приёмы анализа литературного произведения. М., 2008 ; **Адылова Ф. М.** Интерпретация художественного текста // Молодой учёный=Young scientist. [Казань]. 2018. № 17.

А. М. Каторова.

EDN TXDLDK

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, одна из важных черт постмодернистской лит-ры, проявляющаяся в использовании «чужого слова» путём намеренного и непреднамеренного употребления явных и неявных цитат, аллюзий и реминисценций, благодаря к-рым создаётся новый текст. Она заключается в попытке переосмыслить старые взгляды, наполнить непрерываемые истины новым содержанием, более соответствующим совр. жизни. Термин предложен и введён в научный оборот фр. филологом постструктура-

листской ориентации Ю. Кристевой в 1967 в связи с осмыслением концепции диалогизма М. М. Бахтина, излож. в его работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). Описывая диалектику бытия лит-ры, Бахтин отмечал, что помимо данной художнику действительности он имеет дело с предшествующей и совр. ему лит-рой, с к-рой находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими лит. формами. Идея «диалога» воспринимается Кристевой чисто формалистически, как ограниченная искл. сферой лит-ры, диалогом между текстами. В основе её размышлений лежит теоретич. установка на стирание границ текста, к-рый не содержит внутр. единства и, представляя собой соединение фрагментов, становится производным общества или обществ. истории. И., с точки зрения фр. исследовательницы, является зоной пересечения гетерогенной массы текстов и предметом семиотич. поисков, в процессе к-рых конструируется челоуеч. индивидуальность.

Классич. определение понятий «И.» и «интертекст» дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний;